

Факты были налицо, и старосте Цинь не оставалось ничего другого, кроме как формально завершить дело. Он бросил семье Ю пару дежурных предупреждений и строго наказал односельчанам впредь держать язык за зубами.

Помня о дружбе своего внука Чжу-гээра с Тао Цинъюем, он, напустив на себя суровый вид, даже вставил пару слов в защиту юноши. Однако под конец старик всё же не удержался и, приняв величественную позу наставника, изрек:

— Мухи на целое яйцо не садятся. Цинъюй, ты и сам следи за своими словами и поступками. Поменьше делай того, чего делать не след.

Ради Цинь Чжу юноша смолчал, и лишь когда тот ушел, уводя деда за собой, Цинъюй недовольно скривился.

«Вредный старик! — подумал он. — Занимает место и ничего не делает, а еще горазд поучать других»

Впрочем, было неважно, что староста предпочел не мутить воду и уклонился от настоящего разбирательства. Главное, что после такого шума слухи в деревне поутихнут. Репутация юноши больше не пострадает, и родные, которые так за него переживали, смогут наконец вздохнуть спокойно.

— Надеюсь, мне больше не доведется услышать, как в деревне судачат о моем Юй-гээр, — бросил Фан У напоследок. — Иначе пеняйте на себя.

Он проводил тяжелым взглядом Цинь Лихуа, которая, спотыкаясь и едва ли не ползком, поспешила скрыться в своем дворе.

Толпа зевак, лишившись зрелища, потихоньку разошлась, обменявшись на прощание парой дежурных слов утешения. Стоило калитке дома Тао захлопнуться, как во дворе воцарилась долгожданная тишина.

— Тао Цинъюй!

— Здесь! — отозвался тот.

У-гээр легонько щелкнул его по лбу.

— Неугомонный ты мой. Кто просил тебя снова вынюхивать про тех чужаков?

Старший брат состряпал самое невинное лицо:

— Да я и не вынюхивал. Так, краем уха услышал пару слов. Мне Цинцзя всё рассказал.

Запертые в доме малыши и не подозревали, что их так беззастенчиво выдали. Когда детей вывели на крыльцо, они выглядели совершенно растерянными.

Сун Хуань, напустив на себя строгость, спросила:

— Тао Цинцзя, ну-ка признавайся, где такой малец, как ты, разузнал все эти грязные подробности о семье Ю?

Мальчик был ребенком честным и выложил всё как на духу:

— Янь-гээр рассказал! Его тётушка про всё ведаёт.

В глазах Фан У блеснул огонек понимания.

— Значит, это была невестка Цинь Лихуа.

— Неудивительно, — подхватил Ян Цюэ. — Они вечно как кошка с собакой. Цинь Лихуа то и дело бегаёт к ним покормиться за чужой счёт, а невестка её терпеть не может.

Убедившись, что сын не ввязался ни во что опасное, Сун Хуань ласково потрепала его по макушке:

— Молодец, хорошо сработал.

Тао Циншу притянул братишку к себе и укоризненно посмотрел на мать:

— Матушка, не учите его плохому.

— Я учу плохому? — возмутилась та. — А почему ты своего старшего брата не попрекаешь?

Юноша принялся увлеченно разглядывать то небо, то землю, всеми силами избегая осуждающего взгляда Да-гэ.

— Ладно, поскандалили и хватит, — подвел Фан У черту. — Животы уже, поди, подвело. Собирайтесь живее, идем к дедушке Чунъяну.

По этой команде все мгновенно засуетились. Цинъюй, избежав очередной выволочки, сияющей улыбкой подошел к Цинцзя и тихонько прошептал:

— Прости меня, Цинцзя. С меня причитается что-нибудь вкусненькое.

Мальчик широко улыбнулся, сверкнув щербинкой на месте выпавшего зуба.

— Всё хорошо, Да-гэ.

Он уже давно к такому привык.

Дом семьи Цзоу стоял на самом краю деревни Баопин.

Когда во дворе Тао бушевала перепалка, крики разносились по всей округе. Мужчины семьи Тао порывались было броситься на выручку, но госпожа Цзоу их удержала.

— Своих фуланов не знаете? — осадил она их. — В обиду они себя не дадут, а при вас только стесняться станут, в полную силу не развернутся. К тому же там наш проныра Юй-гээр, он присмотрит.

Старушка знала своих домочадцев как облупленных и не ошиблась ни на йоту. Когда Фан У со своими близкими поднялся на холм, трое мужчин семьи Тао уже спешили навстречу, каждый перехватил свою половинку, засыпая вопросами.

— Хорошо, что тебя там не было, — ответил У-гээр мужу.

— Это уж точно, — пробормотал Тао Синъюн. Будь он рядом, его фулан наверняка не посмел бы так лихо орудовать тесаком.

Сун Хуань, засучив рукава, всё еще кипела от ярости:

— Видали их? Да я бы ту ослицу до смерти забила!

Тао Синлун поспешно потянул жену за рукав, оправляя её платье. Его облик на фоне боевитой супруги казался почти книжным и хрупким.

— Знаю-знаю, какая ты у меня грозная.

А Ян Цюэ, только что походивший на разъяренную фурию, теперь, шмыгая носом, уткнулся в плечо Тао Синвана. Он льнул к мужу, точно мягкий комочек теста, и в нем невозможно было узнать того мужчину, что недавно так отчаянно махал метлой. Синван молчал, лишь мерно похлопывал фулана по спине, успокаивая.

В доме двоюродного деда пышного пира не затевали — пригласили только самых близких. Малыши, пришедшие позже всех, наперебой принялись сыпать поздравлениями, заставив именинника хохотать до слез.

Цзоу Чунъян, младший брат госпожи Цзоу, был человеком небогатым на потомство: лишь сын да дочь. Дочь давно выдали замуж в дальние края. Сын остался в доме, помогал по хозяйству и, как отец, слыл искусным мастером-корзинщиком. В свободное от полевых работ время он плел короба и корзины на продажу в уезде. Внуков у старика прежде было много, но в голодные годы выжили лишь двое.

Пока дети развлекали Цзоу Чунъяна, Цинъюй поспешил занять место подле бабушки.

— Сяо Юй, ну-ка расскажи мне, как всё прошло, — попросила та.

Юноша послушно примостился рядом с ней и во всех красках расписал события, начиная с того момента, как Цинь Лихуа постучала в дверь. Деревенская ссора в его исполнении превратилась в захватывающее представление. Старушка с нежностью пощипала его за щеку.

— Умный ты у меня, Сяо Юй. С таким характером не пропадешь.

Он рассмеялся и ласково потерся щекой о ладонь госпожи Цзоу.

— И не просто не пропаду! Я еще и вас к счастливой жизни приведу, вот увидите.

— Что ж, бабушка будет ждать.

Госпожа Цзоу родилась шестипалой. В детстве родители звали её просто Да-я, так и не дав настоящего имени. После замужества в роду Тао все стали звать её Тао-Цзоу-ши.

В юности она натерпелась горя из-за своей особенности: односельчане бежали от неё, точно от чумной. Когда пришла пора выходить замуж, сваты обходили её дом стороной. Лишь дед Тао оказался не из робкого десятка: не поверил в бредни о том, что шестипалые приносят несчастье, и взял её в жены. Супруг оберегал её всю жизнь, и хотя в трудах и заботах она не знала отдыха, на сердце у неё всегда было спокойно. Год за годом она крепилась и в конце концов сама стала почитаемой главой большого семейства.

За долгую жизнь она видела немало, и пережитое наделило её особой безмятежностью. Её широкая душа и доброе отношение к невесткам и фуланам сделали семью Тао куда более сплоченной и дружной, чем любые другие в округе.

Можно сказать, что домочадцы уступали соседям лишь в достатке. В остальном же они были богаты: дети здесь оставались детьми, их детство было ярким и вольным. Даже в это суровое время Цинъюй, будучи гээр'ом, мог позволить себе носиться по горам и лесам. Семья была его надежным тылом — и в этой жизни юноша осознал это в полной мере.

Перед домом деда Чунъяна росли два диких персиковых дерева. Плоды на них завязывались мелкие, с большой палец, и были сплошь покрыты густым пушком. Каждое лето, когда они созревали, Цинъюй забирался на ветки и набивал ими полные пазухи. Персики, хоть и спелые, оставались зелеными с виду. Стоило обтереть пух об одежду и разломить плод — и открывалась мякоть, тронутая нежным румянцем у косточки. На вкус они были кисло-сладкими, но для деревенской детворы — лучшим лакомством. Юноша мог уплести штук восемь за раз.

Сейчас, зимой, деревья стояли голыми. Ветви были усыпаны почками, затаившимися в ожидании весны, когда они распустятся розовым цветом.

— Бабушка, а может, нам в нашем дворе тоже посадить плодовые деревья? — спросил Цинъюй.

Госпожа Цзоу, зная его натуру, тут же рассмеялась:

— Опять о лакомствах мечтаешь?

— Есть немного.

В деревне плодовые деревья были важным подспорьем. Саженцы стоили дорого, и только такие богатеи, как семья Цинь, могли позволить себе засадить сад на продажу. Остальные довольствовались апельсинами или мушмулой, пересаженными из леса. Вкус у них был такой же кислый и терпкий, как у тех диких персиков.

А те десять груш на берегу их пруда были подарком от хозяина таверны, где работал второй дядя. Сорт был отменный: плоды вырастали крупными и сладкими, и каждый год за них удавалось выручить неплохие деньги.

— Если бы мы взяли в аренду гору и засадили её садами, в год выходила бы круглая сумма, — прошептал юноша бабушке на ухо.

Старушка погладила его по волосам:

— Бог с ними, с деньгами на аренду, Сяо Юй. В Баопине все ближние склоны — чьи-то частные владения. Где ты найдешь свободную гору?

Старший внук приуныл и положил подбородок бабушке на колени.

— Когда же мы наконец разбогатеем?

— Мы с дедом смогли обеспечить вам только крышу над головой да несколько му долей, чтобы не голодать, — улыбнулась госпожа Цзоу. — Вам не придется, как вашим предкам, гнуть спину целый год, отдавать половину урожая хозяину и всё равно хоронить близких. А богатство... Что ж, если над могилами наших предков не воссияет чудесный свет, то полагаться вам придется только на самих себя.

— Гляньте на него, — подала голос Сун Хуань, посмеиваясь. — Такой взрослый, а всё с бабушкой милуется. Почему со мной так не нежничает?

Юноша покосился на тётушку и с самым серьезным видом заявил:

— Это не нежности. Мы с бабушкой обсуждаем дела государственной важности — будущее нашего рода.

Она не выдержала и расхохоталась:

— И до чего же вы договорились?

Юноша уткнулся лицом в бабушкины колени.

«Путь во тьме... Грядущее туманно...» — глухо пробормотал он.

Взрослые лишь весело переглянулись.

— Совсем малец, а рассуждает как древний старик, — добродушно заметил Фан У.

Путь к богатству был долг, но устроить себе праздник живота можно было уже сейчас. Грех было не воспользоваться случаем и не «пощипать» дядю Сяо Цзиня.

На обратном пути Циньюй поинтересовался у деда погодой на завтра. Старик, опытный земледелец, глянул на небо и уверенно изрек:

— Завтра будет солнце.

— Отлично, — просиял юноша. — Тогда я возьму Цинцзя и остальных, и мы отправимся в уезд погулять.

— Смотри за ними в оба, — наказал дед.

— Не беспокойтесь.

На следующее утро Тао Цинъюй проснулся под звонкое щебетание птиц. Несколько раз перекатившись в теплом одеяле, он нехотя заставил себя одеться. Умывшись, он первым делом проверил своих «золотых рыбок», перенесенных в дом. Покормив их личинками, он отправился на кухню.

Готовка никогда не была его сильной стороной. Его кулинарных познаний хватало лишь на то, чтобы не умереть с голоду, останься он один, но талантом создавать шедевры природа его явно обделила. Всё, что ему доверяли — это следить за огнем в печи.

На завтрак была лапша с яйцом.

В котел плеснули масла, в миске взбили пару яиц. Стоило маслу зашипеть, как туда отправилась яичная масса. Её обжарили до золотистой корочки, размяли на кусочки и залили ключевой водой. Фан У накрыл котел крышкой, дожидаясь, пока закипит. Ян Цюэ тем временем пошел будить младших.

Дрова в печи весело потрескивали, огонь разгорелся жаркий, и вскоре вода забурлила. Стоило поднять крышку из бамбуковой коры, как кухню заволочло густым паром. Домашнюю лапшу-гуамянь забросили в котел, дали пару раз вскипеть, добавили горсть свежих овощей и щепотку соли.

Каждому досталось по большой пиале. Детям положили побольше яичных хлопьев, взрослым же достался наваристый бульон с ароматом жареного яйца. Блюдо незамысловатое, зато готовится быстро, а вкус — отменный.

Цинъюй с удовольствием втянул лапшу. Она не была такой скользкой, как та, что он пробовал раньше, да и масла было маловато, но приготовленная руками младшего папочки, она пахла самым домом. После первой же порции по телу разлилось благодатное тепло. Близнецы уплетали так споро, что над их макушками заструился легкий парок, заставив взрослых дружно рассмеяться.

Собираясь в город с тремя детьми, он не смел проявлять беспечность. В те времена торговцы

людьми не дремали, так что он позвал с собой и Тао Циншу. Прихватив плетеный короб для покупок и флягу с водой, они отправились в путь.

<http://bllate.org/book/15858/1441471>